

“Этот парень сам себя сделал, — говорят американцы. У русских фольклор круче — “из грязи в князи”. В конце концов, не в формулировке дело. Не знаю, как там в Америке, а в России индивидуум, из ничего ставший всем, сам по себе является любопытным предметом исследования. Вот он стоит как памятник самому себе — признанный, заслуженный, богатый, но... Какую цену, хотела бы я знать, заплатил он этой системе? Сколько жертв принес? Как она разукрасила его портрет и отредактировала внутреннюю жизнь?”

Волпощением американской мечты на русской земле можно считать модельера Вячеслава ЗАЙЦЕВА.

— Я никогда никому не продавал свое дело. Знаешь, как я это называю — бля-во. Это когда человек внешне интеллигентный или претендующий на интеллигентность позволяет себе дешевую продажу, позволяет себе... даже не знаю, как объяснить. В общем, когда любое дело, действие в творчестве, в политике делается через постель. Когда все просчитывается. Я таких про себя называю бля-ми, а проституток уважаю. Бля-й же терпеть не могу.

— Но в карьере-то тобой двигало честолюбие?

— Я даже не знал, что это такое.

— Но ты, надеюсь, хотел быть первым?

— Никогда, никогда не хотел быть первым. Мне всегда нравилось работать. Я всю жизнь ездил в метро. На машине стал ездить с 88-го года. Заставили как директора.

— Может быть, была удача, которая тебе помогла?

— Я думаю, что у меня никогда не было удачи. Попадались хорошие люди на пути. Иногда. Таким человеком был секретарь ЦК КПСС Евгений Тяжелников.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПИОНЕР, ПОТЯСАЮЩИЙ КОМСОМОЛЕЦ

— После института я работал на подмосковной фабрике, где шили спецодежду. Там меня судил товарищеский суд за то, что, будучи худруком, я “не туда увел коллектив”. А я сделал замечательную коллекцию в фольклорных традициях. В 63-м году мою первую фабричную коллекцию “зарубили” на общесоюзном совещании художников. Но именно после этого на меня обратили внимание “Париматч”, “Штерн”, “Лайф”, которые писали: “В России появился свой большой художник”.

В 69-м году было первое такое предложение: американская фирма, выпускающая шелковые ткани, предложила из них сделать коллекцию. Но министерство и Дом моделей запретили все, сказав, что в СССР работает не один Зайцев. Тогда я создал новую коллекцию со своими коллегами Крутиковой и Телегиной. Дивную коллекцию, которая отчалила в Нью-Йорк и имела огромный успех. Лариса Шепитько и Элем Климов позвонили мне оттуда и сказали, что в Центре современного искусства — ажиотаж. На меня посыпались предложения открыть мои магазины моделей в Нью-Йорке. Но даже это мне запретили.

— Почему ты не уехал?

— У меня даже мысли не было. Потому что я олицетворял своим существованием достижение развитого социализма. “Кто был ничем — тот станет всем”. Это был я — Слава Зайцев — замечательный пионер, потрясающий комсомолец. Когда уже поступил в Дом моделей и увидел, как партийная организация издается над нами, художниками, используется как подстилка, я тогда добился приема в партию, чтобы отстаивать интересы молодых художников. Кстати, я могу рассказать, как я вступал в партию.

В то время я развелся с женой, вернее, меня теща развела. (Сам я никогда этого не сделал бы, потому что по сей день люблю Маришку...)

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ (ЛИРИЧЕСКОЕ), НЕ ОСТАВЛЯЮЩЕЕ НАДЕЖДЫ ДАМАМ

— Ты реагируешь на красивых манекенщиц?

— Я абсолютно спокойный. Это, вероятно, профессиональное. Я, например, никогда бы не взял в жены манекенщицу. Это слишком большой риск, потому что она нравится всем, и пока быть не может.

— Но если она любит только тебя?

— О, я не верю женщинам. У меня было столько случаев усомниться в их верности, что стараюсь быть с ними на расстоянии, хорошим другом, но не больше.

— Послушай, Слава, но неужели ты за всю жизнь не встретил женщину, которая могла бы быть рядом?

— Нет, сердце не екает. Я избалованный человек. Я эстет. Мне важно помимо красоты умение общаться, вести себя достойно, хоро-

ГВОЗДИ БЫ ДЕЛАТЬ ИЗ ТАКИХ ЛЮДЕЙ

— В райком я пришел в костюме в поло-сочку, шелковый платочек в кармане, галстучек. Худенький такой, глест в обмороке. Мне сказали: “Вам что, театр здесь? Придите в черном костюме”. Пришел. “Вы что, в оперу пришли?” В конце концов, приняли. И потом началась борьба. На каждом собрании я выступал, отстаивал наши права, был против того, что уничтожали индивидуальности.

Да, была большая трагедия, что нас не пустили в Америку, отказали в открытии сети

Когда попал в автокатастрофу несколько лет назад, я должен быть умереть. Но выжил. Именно поэтому я ценю время жизни.

— Знаешь, как-то странно тебя слушать. Эдакий карась-идеалист. Сколько можно жить в шорах? И ради чего?

— В 78-м году после триумфального показа в Доме кино я вышел на улицу в полночь. Грязь, слякоть и я один — с авоськами, полными косметики. И вдруг такое нахлынуло. У меня даже стихи есть: Как после бури, урагана, Я выброшен на остров безымянный...

Я вдруг понял, что весь этот триумф — бессмыслица и ложь. Потому что во время показа люди подходили ко мне: “Где мы можем купить эти вещи?” А я не смог им отве-

ЦЕНУ УСПЕХА СПРОСИ У ЖИВЫХ. ПОКА

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА

магазинов. Но я оптимист. Я хотел быть полезным стране. А в 74-м году в Чехословакии вышла брошюра, где среди портретов Диора, Пуаре, Верда, был мой с таким текстом: “Он разбил гегемонию домов моделей Западной Европы”. И тогда я поехал в Кремль, добился встречи с референтом Косыгина и сказал: “Раз такое есть, почему бы не использовать Зайцева? Давайте построим индустрию и докажем, что мы в состоянии что-то сделать”.

Кончилось тем, что, выслушав меня, они пошли костюмы, и все похерилось.

— Именно в тот момент Зайцев стал придворным портняжкой?

— Я имел неосторожность дать понять мадам Брежневой, что не хочу ее одевать, потому что, когда я увидел ее, это не вызвало у меня никаких эмоций и симпатий. Я только сказал: “Запишите мой номер телефона”. Я эстет. Брежнева — не мой стиль.”

— И тем не менее, твой Дом обшивал ЦК. Правда — это не упрек: ты играл по правилам, по которым играли все.

— Мы все дети своего Отечества. Но я никогда не обшивал ЦК. Вся пресса писала об этом специально, чтобы вызвать неприязнь у народа, поспорить с людьми. Писали, что я отрываюсь от народа, делаю космическую моду, обшиваю Политбюро.

— Из твоего монолога выходит, что тебя все время душили.

— Все время. 25 лет. Меня не выпускали из страны. И если я выезжал в страны СЭВ, то только под контролем. Я знал людей, которые за мной следили и контролировали меня.

— Откуда это известно? Мне кажется, что у тебя маня преследования. Ты видел досье на Зайцева?

— Мой друг — очень хороший и порядочный человек — говорил мне об этом. Я не думаю, что с тех пор что-то изменилось, потому что люди, сотрудничавшие с органами, остались и работают в Доме и каждый день дают обо мне информацию. Но меня это не волнует, потому что я отвечаю за все, что делаю.

— Ну а со здоровьем-то у тебя как? Подорвал на фронте борьбы?

— У меня язва, было воспаление мозга.

— И ты не герой развитого социализма, да?

— Да. Тогда я это понял. В 40 лет я начал жить сначала. Тогда я познакомился с Тяжелниковым и он привлек меня к подготовке Олимпиады — к сотрудничеству с Минбытом. Поработал в театре, кино, в цирке. Потом — ателье и собственный Дом моды.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ (ФИНАНСОВОЕ), НЕ ОСТАВЛЯЮЩЕЕ НАДЕЖДЫ НА ХАЛЯВУ

— До 91-го года я был нищим. Когда поступил в институт, в 1956 году, общежития мне не дали. У меня не было другого выхода, как идти в прислугу. Я жил в одной семье полтора года. Помогал воспитывать детей, убирал, стирал, покупал продукты, танцевал по вечерам с хозяйкой, когда приходили гости. Свой первый костюм я сшил в 24 года. На третьем курсе я женился и родился сын. Надо было думать, как выживать. Давал уроки, готовил девочек в институт, рисовал в редакциях.

— А когда ты заработал свои первые “зеленые”?

— В 91-м году первые доллары появились после выставки моей живописи в США. Мне галерея заплатила будь здоров — две тысячи долларов. Потрясающе!

Я не говорю, что я мало зарабатываю. Я говорю, что если бы жил на деньги, которые получаю сейчас (350 тысяч рр в месяц), я бы не выжил. Сегодня я — да, состоятельный человек. Мой нарисованный эскиз стоит столько, что можно на него прожить 2-3 месяца в достатке. И театр, когда он не работает, поддержку на свои деньги. А это 45 человек. Он теперь принадлежит мне и Егору. Я его приватизировал.

— А куда тратишь деньги, извини, конечно, за вопрос. Живешь вроде бы один...

— Я не пью. Только джин-тоник. Иногда водку с огурчиком чуть-чуть — обожаю. Но я быстро пьянею и чувствую себя дискомфортно. Мне нравится угощать и принимать дома друзей. Сам готовлю.

— Экономить на прислуге?

— Я обожаю все делать сам. В основном ночью. Включил машину — постирал, а утром встал пораньше — погладил. Были попытки пригласить помощников, но все это плохо кончается. Я располагаю к себе людей, и они быстро садятся на шею. Начинается nepozволи-тельная фамильярность.

По жизни я стараюсь помогать близким и дорогим людям. Однажды я понял, что деньги, как смысл существования, мне не нужны. Вот сейчас можешь спросить у меня рубль — и его может не быть у меня в кармане, такое тоже бывает.

— Слава, я уверена, что конфликт — это органическая среда твоего существования. И если бы не это, ты не стал бы Славой Зайцевым. Даже последний скандал в Доме моды, который разразился пять лет назад, ведь это ты его заварил...

— Я, естественно. Вошел в кабинет директора и сказал: “Вы больше не будете директором. Директором буду я”. Я не мог терпеть того, что здесь творилось, — воровали, тащили, ОБХСС трясло. Когда я это понял, я вошел в кабинет... Впрочем, об этом я уже говорил. Кста-

ти, директриса была из фирмы “Грация”, где шили лифчики. Простая русская баба. Я помог ей встать на ноги. А потом получил мордой об стенку. Затем пять лет ушло на то, чтобы создавать свою систему порядочных людей.

— Скажи, сын по твоим стопам пошел?

— Он — борец. Он круче меня. Он очень принципиальный, бескомпромиссный. Он — вице-президент нашей компании.

— И может быть, такой жестокий, как ты? Не обижайся, но говорят, что если кто-то уходит из твоего Дома, ты не пускаешь его на порог потом.

— Это правда. Нет, я не злопамятный. Если я прощаюсь с человеком и говорю ему: “Я хочу, чтобы вас не было”, то для этого у меня есть причина. Либо он подлец, предатель, либо вор. Вот у меня работала манекенщица Лариса Каменева, работала почти десять лет со мной. Про нее говорили “некрасивая”. Нет, она удивительно гармоничная и пластичная и любит свою профессию. А я хочу работать не с тусовщиками, а с людьми, влюбленными в нашу профессию. Как только я вижу, что появляется элемент тусни, а девочка или мальчик становится дешевой или паразитом, я тут же с ними прощаюсь.

— Кто сегодня для тебя конкурент — Юдашкин?

— Для меня конкуренты — Карден, Ив-Сен Лоран. А Юдашкин — мой коллега, каких много.

— С повышением цен ты потерял клиента из мидл-класса, которым в свое время так гордился?

— Мидл-класс покупает только тогда, когда я устраиваю распродажу. В основном покупают те, кто знает толк в хорошей одежде и уезжает на Запад. Артисты раньше одевались у меня. Сейчас меньше, это дорого. Но я делаю скидки для актеров, журналистов, юристов, телевизионщиков, которые вынуждены быть в центре внимания. Я могу себе это позволить.

— Ты можешь сказать, что сбылась мечта советского человека?

— Директорство — это не то, чего я добивался. Если бы был человек, который взял это на себя, я бы с удовольствием ушел и занимался бы только искусством. Я устал быть директором, но... Я взял на себя ответственность, я не могу обмануть людей, которые работают здесь из-за меня.

У меня желание появилось заработать деньги, чтобы построить в России свой творческий центр. Такой, какой в старые времена имели русские художники, интеллигенты. Собрать работы свои, весь свой архив. Оставить после себя что-то. Мне проще было бы купить дом в Европе. Но зачем. Я хочу оставить его здесь, чтобы, когда уйду, что-то осталось. У себя дома, на родине.

Я создал свой театр. Казалось бы, зачем? В такое время? Я чаще вынужден тратить свои кровные заработанные и немалые деньги на зарплаты, материальную помощь, дотации большому коллективу театра. Скажут — дурак, альтруист, “гребаный”. А знаешь, я счастлив, что я такой. И хочу быть им долго. Я люблю людей, одержимых моей страстью. Хочу им быть нужным. А жить только для себя? Тоска...

— Финал в духе соцреализма

— А откуда? Это правда. Что ж кривить душой.

Марина РАЙКИНА.